

Дискуссии и обсуждения

ОБЩНОСТЬ ПСИХИЧЕСКОГО СКЛАДА — ОДИН ИЗ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ НАЦИИ

В. М. Зайченко, К. Сабиров

Ход дискуссии по основным проблемам теории нации, ведущейся на страницах журнала «Вопросы истории», показал определенное единство точек зрения по крайней мере на одну проблему. Это проблема выделения номенклатуры существенных признаков нации. Большинство авторов новых вариантов дают «четырёхчленное» определение нации. Признаки, которые считаются достойными возведения в ранг существенных, мы бы назвали условно материальными (экономический, территориальный, языковой) и «духовными» (относящимися к духовной жизни общества). Все же остальное, в том числе и конкретное наименование составных частей данной номенклатуры, вызывает различные, трудно поддающиеся обобщению суждения. В первую очередь это относится к духовному признаку. На определении его реального содержания мы бы и хотели остановиться.

Ни один из авторов, пишущих о нациях, не отрицает определенно-го духовного единства каждой из них. Этот самоочевидный факт служит первой предпосылкой единодушного выделения в качестве существенного того или иного «духовного» признака нации¹. При этом приводятся многочисленные, прямые и косвенные, высказывания основоположников марксизма-ленинизма, свидетельствующие о том, что они считали несомненным влияние духовного фактора в жизни нации². Не вызывает сомнений также и содержащееся в некоторых статьях утверждение о том, что роль этого фактора в национальных процессах, в формировании новых наций возрастает³.

Вопрос состоит в том, какую конкретную сторону духовной жизни наций следует выделить, чтобы она могла отвечать требованиям, предъявляемым к существенному признаку наций. «Все черты наций, относящиеся к сфере духовной жизни,— справедливо отмечают П. М. Рогачев и М. А. Свердлин,— настолько переплетаются друг с другом, что их разграничение весьма условно. Тем не менее оно необходимо,

¹ Исключение составляет М. О. Мнацаканян (см. М. О. Мнацаканян. *Нация и национальная государственность*. «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 35).

² См., например, использование К. Марксом и Ф. Энгельсом термина «национальный характер» (К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.* Т. 2, стр. 356, 493; т. 16, стр. 161; т. 27, стр. 241, 381—382; т. 29, стр. 100). Термин «национальный характер» использовал и В. И. Ленин (В. И. Ленин. *ПСС*. Т. 32, стр. 342).

³ См. П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. *О понятии «нация»*. «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 48; С. Т. Калтагчян. *К вопросу о понятии «нация»*. «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 30.

так как содержание этих элементов полностью не совпадает, и каждый из них занимает специфическое место в характеристике нации, путях ее формирования, развития и сближения с другими нациями»⁴. И прежде всего дискутируется «психический склад нации». Является ли его общность существенным признаком нации? Наиболее определенно отвечает на этот вопрос С. Т. Калтахчян. «На наш взгляд,— пишет он,— отдельные и несущественные общие элементы психологии и культуры людей не могут выдаваться в качестве основных признаков нации»⁵. С такой точкой зрения, по нашему мнению, трудно согласиться. Аргументы, приведенные для ее подтверждения, не представляются нам убедительными.

Начнем с наименее существенных из них. К таковым мы относим, например, соображение о том, что общность психического склада не может быть внесена в определение нации, во-первых, в силу всеми отмечаемой неуловимости этого признака, а во-вторых, из-за того, что он недостаточно исследован. Но степень неуловимости психического склада для наблюдателя ничуть не меньше неуловимости любого другого признака — скажем, территориального или экономического. Это подтверждается теми спорами, которые ведутся вокруг последних. Что касается научной разработанности вопроса, то права А. И. Горячева, которая пишет: «Можно ли считать на основании отсутствия исследований какого-то явления, что отсутствует само это явление?»⁶. К тому же психический склад именно в силу своей спорности приковывал к себе пристальное внимание наших исследователей — больше, чем какой-либо другой из традиционных признаков нации. Именно благодаря этому парадоксальному обстоятельству мы имеем специальные работы, посвященные психическому складу, его структуре, определению его содержания⁷, чего нельзя сказать о других признаках.

Не менее странен и тот довод, что причисление общности психического склада к числу существенных признаков нации сближает якобы нас с зарубежными буржуазными учеными, которые под влиянием общефилософской идеалистической концепции неоправданно раздувают духовную общность нации.

Более основательно, однако, следующее возражение. Поскольку в буржуазной нации есть антагонистические классы, то якобы не представляется возможным говорить о сколько-нибудь существенном единстве психического склада в рамках всей нации. Мы, однако, полагаем, что классовый антагонизм накладывает отпечаток не только на психический склад, но и на экономическую жизнь, территориальную и языковую общность. Возьмем, например, экономическую связь. Еще В. И. Ленин указывал на «антагонистический, полный колебаний и противоречий характер этой связи...»⁸. Из участников дискуссии «противоречивость экономических интересов людей в социально неоднородной нации» отмечает С. Т. Калтахчян⁹.

Рассмотрим территориальную общность. В антагонистическом обществе представители одних классов в хозяйственном смысле используют

⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 40.

⁵ С. Т. Калтахчян. О сущности нации как исторической общности людей. «Философские науки», 1964, № 5, стр. 85.

⁶ А. И. Горячева. Является ли психический склад признаком нации? «Вопросы истории», 1967, № 8, стр. 94.

⁷ См., например, С. М. Арутюнян. Нация и ее психический склад. «Ученые записки» Краснодарского педагогического института. Вып. 53. 1966; В. Н. Филатов. Национальный характер и классовая психология. «Нация и национальные отношения». Фрунзе. 1966; Э. А. Баграмов. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М. 1966, гл. 2, § 3: «О научном подходе к определению понятия и роли психического склада нации». На подобные работы указывает также А. И. Горячева (см. А. И. Горячева. Указ. соч., стр. 94).

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 207.

⁹ С. Т. Калтахчян. К вопросу о понятии «нация», стр. 29.

всю территорию государства. Для представителей же других классов пределы такой территории ограничены несколькими сотнями метров или несколькими километрами, дальше которых их хозяйственная активность не простирается. Таким образом, общая как будто бы территория воспринимается различными классами одной нации по-разному, и полной общности тут также, строго говоря, нет¹⁰. Что касается общности языка, то еще Ф. Энгельс писал, что «рабочие говорят на другом диалекте... чем буржуазия»¹¹.

Вытекает ли из всего сказанного, что не существует, стало быть, общности ни экономической жизни, ни территории, ни языка? Отнюдь нет. Так, например, обстоит дело с общностью экономической жизни. В экономико-географическом смысле «каждая нация представляет собой нечто особенное в хозяйственном отношении по сравнению с другими нациями... каждая нация является более или менее самостоятельным хозяйственным организмом, имеющим свои особенности хозяйственного профиля, производственного опыта народа, внутреннего обмена и связей с межнациональным обменом»¹². Компоненты хозяйственного профиля, взятые в совокупности, накладывают некоторый отпечаток единства на все слои населения данной нации (либо части нации, проживающей в данном экономико-географическом районе). Со стороны экономического отношений наличие связи, устанавливаемой рынком, также свидетельствует об определенном единстве, так как с рынком связано все население страны. Говоря об антагонистическом характере этой связи, В. И. Ленин добавлял, что это, однако, «не дает права отрицать *ее существования*»¹³.

Территориальная общность (несмотря на ту же противоречивость, которая была нами отмечена выше) характеризуется не только пространственной площадью, но и комплексом географических, климатических условий. Эта общность также в определенной степени объединяет людей. Несомненно и единство языка, несмотря на существование так называемых социальных диалектов.

Вышеизложенное показывает, что если, независимо от своей классовой противоречивости, территориальный, экономический и языковой признаки достаточно объединяют нацию для того, чтобы считаться ее существенными признаками, то наличие классовой противоречивости в психическом складе нации также не препятствует тому, чтобы отнести и его к существенным признакам нации.

Имеются и другие доводы, которые противоречат положению об отсутствии сколько-нибудь заметного единства психических черт нации классово антагонистического общества. Известно, что господство буржуазии в капиталистическом обществе оказывает пагубное влияние на все слои населения, на всю нацию, что «имеются и пережитки, и дурные привычки, т. е. наносные элементы, навязанные реакционными классами»¹⁴. Правда, весьма различна степень этого влияния на эксплуататорские классы, с одной стороны, и на трудящиеся массы — с другой. Следует сказать, что и в последнем случае оно достаточно велико (ведь мы и сейчас еще ведем борьбу с пережитками капиталистического прошлого в сознании людей), чтобы заставить нас не отказываться от термина «капиталистические, буржуазные нации» и не видеть в этом влиянии еще одно, пусть и не решающее, доказательство в пользу важной общности психических черт нации. Господство идеологии буржу-

¹⁰ См., в частности, С. М. Арутюнян. Указ. соч., стр. 99.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 356.

¹² П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 36.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 207.

¹⁴ Э. А. Баграмов. Указ. соч., стр. 96. См. об этом также В. Н. Филатов. Указ. соч., стр. 56.

азии в буржуазном обществе, о котором говорили еще К. Маркс и Ф. Энгельс, не могло не отразиться и на психологии всей нации.

В определенные периоды истории нации складываются условия, способствующие особенно интенсивному проникновению черт психологии эксплуататорских классов в психический склад трудящихся масс¹⁵. Это в основном периоды либо захватнических, либо контрреволюционных войн против других наций и народов. Так было, в частности, в России в начальный период первой мировой войны, когда «буржуазия повсюду победила, на время, пролетариат, захлестнула его мутным потоком национализма и шовинизма»¹⁶. С другой стороны, в периоды оборонительных войн (Отечественная война 1812 г.) и войн освободительных верх одерживают некоторые черты психологии трудящихся классов — патриотизм, самоотверженность, самопожертвование, революционная отвага и т. д.¹⁷. Именно в этом плане и следует понимать деление Ф. Энгельсом наций на «революционные и контрреволюционные». Существенное уточнение к этому тезису Ф. Энгельса сделал В. И. Ленин, указав, что «в 1848 г. были исторические и политические основания различать «реакционные» и революционно-демократические нации ...осуждая первые и стоя за вторые»¹⁸.

Из сказанного следует, что черты того или иного класса, проникая в социальную психику антагонистического класса, лишь на время становятся господствующими в психическом складе всей нации. В частности, «увлечение ошибочными или тем более реакционными настроениями не характерно для рабочего класса, не вытекает с необходимостью из его социально-политического положения и из его психологии, хотя и может иметь место»¹⁹.

Таким образом, сама возможность временного господства классовых черт психологии одного из антагонистических классов во всей национальной психологии — возможность, при соответствующих условиях переходящая в действительность, свидетельствует об отсутствии непроходимой пропасти между психологией антагонистических классов одной нации, хотя при этом не отрицаются принципиальные различия их психологии.

Более остроумными, чем верными по существу, представляются нам слова С. Т. Калтачяна «разнообразный продукт данной социальной среды», примененные им к термину «национальный характер»²⁰. В самом деле, может показаться убедительным, что в пределах данной нации каждый класс вырабатывает свою национально-классовую психологию. С одной стороны, например, психология русских буржуа, с другой — психология русских же рабочих, отличающаяся как от психологии русских буржуа, с которой она не имеет почти ничего общего, так и от психологии американских рабочих. Но все дело в том, что классы буржуазного общества не вырабатывают каждый свою психологию, а перерабатывают психологию народности, из недр которой развилась нация. «Пролетариат и буржуазия, — отмечает В. Н. Филатов, — появляющиеся в недрах разлагающегося феодализма, усваивают те черты национального характера, которые сформировались к тому времени». Следует при этом принять во внимание, справедливо указывает В. Н. Филатов,

¹⁵ Об этом см., в частности, у Б. Д. Парыгина, который пишет о «возможности ошибочных увлечений рабочего класса чуждыми его коренным интересам настроениями» (Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л. 1965, стр. 95).

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 79.

¹⁷ Не случайно В. И. Ленин, говоря о польском национально-освободительном движении в середине XIX в., отмечает, что «тогда революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 237).

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 260.

¹⁹ Б. Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 95.

²⁰ С. Т. Калтачян. К вопросу о понятии «нация», стр. 34.

в значительной мере общие социальные слои, из которых рекрутируются будущие буржуа и пролетарии²¹. Трансформируя выражение С. Т. Калтахяна, мы бы назвали психический склад трудящихся и психический склад буржуазии данной нации «разнообразным социальным продуктом данной национальной среды». К. Маркс и Ф. Энгельс писали о едином «национальном классовом интересе»²², а В. И. Ленин — о воссоединении «всех представителей данного класса во всей нации»²³.

Об отсутствии общности психического склада позволяет как будто говорить, помимо классовой, и экономико-географическая неоднородность условий жизни различных частей больших наций. «Следует отметить также, — пишут П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, — что в жизни наций, занимающих большие территории, особенности психологии, быта и народного творчества могут быть различными у разных частей нации, что можно объяснить и контрастами в географических условиях и некоторыми особенностями хозяйственной жизни, а также тем, что общая история народа наложила неодинаковый отпечаток на жизнь отдельных провинций»²⁴. Но так ли сильны эти территориальные различия в психологии разных частей нации? Мы считаем их, во всяком случае, не настолько существенными, чтобы отказаться от психического склада как признака нации. Подобно тому, как не приводят к соответствующему отказу определенные различия в хозяйственной жизни (в пределах одной нации) или существование территориальных диалектов.

Часть исследователей, отрицающих психический склад как существенный признак нации, ссылается на то, что психология одной нации часто оказывается чрезвычайно близкой к психологии других наций. В данном случае преимущественное внимание обращается на действительно имеющийся в психическом складе наций пласт интернациональных черт и качеств. В связи с этим нам представляется необходимым разобраться в структуре психического склада нации, ибо именно непонимание этой структуры и делает возможными подобные ошибки. Общность психического склада как понятие, как термин употребляется в двух смыслах: в широком и узком. В широком смысле — это признак нации, указывающий на наличие в общественном сознании нации общих для большинства ее представителей черт психологии. Все эти общие черты в их совокупности объединяют людей в данный национальный коллектив, отграничивают его от других социальных групп вообще, от других форм этнической общности, в частности, и от других национальных коллективов — в особенности²⁵. Большая часть этих черт психологии наций интернациональна по своей природе. В свою очередь, большая часть этих интернациональных признаков — классово интернациональна, то есть свойственна в одних случаях эксплуататорским классам всех наций и в других — трудящимся классам всех наций (не будем чрезмерно усложнять наш анализ указанием на то, что трудящиеся классы состоят

²¹ См. В. Н. Филатов. Указ. соч., стр. 44.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 428.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 207.

²⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 44. «...Психический склад кубанских казаков, считающихся членами русской нации, — отмечает также В. И. Козлов, — более близок к психическому складу других народов Северного Кавказа, чем к северорусским поморам, психический склад которых, в свою очередь, обнаруживает близость к соседствующему с ними другому народу — карелам» (В. И. Козлов. Некоторые проблемы теории нации. «Вопросы истории», 1967. № 1, стр. 90).

²⁵ Каждая социальная группа, сплачиваясь в таковую, тем самым отграничивает себя от других социальных групп. «Племя, — пишет Ф. Энгельс, — оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 99). См. также Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история (М. 1966, гл. 2: «Мы и они»). При этом следует заметить, что сплачивание и отграничение это происходит не только по психологической линии негативизма к «чужим» и контактности к «своим», но и по всем существенным признакам всякой общности, в частности — нации.

из рабочих и крестьян, и т. п. фактами, которые накладывают до-полнительный отпечаток на структуру психического склада нации)²⁶. Как бы в центре, захватывая часть этих двух несоприкасающихся между собой противоположных областей, находится область общих только для данной нации психических свойств и психических процессов. Это общность психического склада нации во втором, узком значении этого термина — общность некоторых специфических национальных черт психики нации. С помощью этой общности нации не только отграничиваются друг от друга, но и отличаются одна от другой. Эту область психического склада нации называют также национальным характером. Он отличает нацию от других наций подобно тому, как это делают специфика национального рынка или национальный профиль хозяйственной деятельности, специфика условий географической среды, свойственных данной территории, специфика национального языка, в частности его лексика. И подобно тому, как мы не можем считать признаком нации только отличительные особенности национальной экономики, или специфические особенности рельефа и климата, или же только лексику национального языка (без грамматики, синтаксиса, фонетики, которые в значительной степени интернациональны), — подобно этому мы не можем признать существенным признаком нации национальный характер, или, как предлагают иные исследователи, специфически национальные особенности психологии.

Между тем тенденция считать признаком нации национальный характер очень сильна в нашей литературе. Большей частью (хотя и не всегда) она основывается на отождествлении понятий «психический склад нации» и «национальный характер». Некоторые примеры такого отождествления приводит в статье В. Н. Филатов²⁷. Вместе с тем ширится круг исследователей, склонных дифференцировать эти термины (А. И. Горячева²⁸, С. Т. Калтахчян²⁹, Т. Ю. Бурмистрова³⁰ и др.).

Таким образом, ясно представляя себе объем и структуру понятия «общность психического склада в широком смысле», мы избежим следующих ошибок: отождествления психического склада с национальным характером, замены психического склада в определении нации национальным характером либо (что то же самое) специфически национальными особенностями психологии нации; сведения более широкого понятия к более узкому; преувеличения национальных особенностей в ущерб интернациональной общности психики всех народов; сведения сущности признака нации только к тому, что отличает нации, а не отграничивает их; исключения общности психического склада из числа существенных признаков (при отождествлении его с особенностями психики и национальным характером), исходя из стремления не подчеркивать, не раздувать национальную специфику; отрыва психического склада от других признаков наций; отождествления психического склада нации с психологией классов и исключение его на этом основании из числа признаков нации.

Предлагаемая схема строения психического склада дает возможность более четко представить себе диалектику взаимоотношения классового и национального в психологии народов, национального и интернационального, определить реальное содержание тезиса: «Националь-

²⁶ Этот аспект структуры психического склада нации отражает В. П. Филатов (см. В. П. Филатов. Указ. соч., стр. 42).

²⁷ Там же, стр. 29.

²⁸ А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии (к вопросу о структуре общественной психологии). «Проблемы общественной психологии». М. 1965, стр. 214.

²⁹ С. Т. Калтахчян. К вопросу о понятии «нация», стр. 39.

³⁰ См. Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации. «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 107.

ное отнюдь не противостоит общечеловеческому, не затушевывает отличительных классовых и прочих признаков, свойственных людям»³¹. (Мы имеем в виду предусматриваемые этой схемой области классово-интернационального в психологии нации, внеклассово-интернационального, внеклассово-национального и классово-национального). Классово-национальное, в частности, представляет собой выраженное в национальной форме классовое содержание. Это есть области совпадения национального характера с соответствующими частями социальной психологии антагонистических классов. В соответствии с этим уяснение структуры психического склада нации позволяет яснее представить себе смысл таких высказываний В. И. Ленина, как: «...рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален»; хотя рабочий класс и национален, но национален он «совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»³²; «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»³³ и др.; позволяет выяснить и структурное построение других «элементов» нации — экономического, территориального, языкового, а также структурную организацию понятия «национальная культура».

Данные представления о структуре психического склада нации лежат в основе нашего отношения к национальному самосознанию и самосознанию этнической принадлежности, выдвигаемым рядом авторов в качестве существенных признаков нации. Мы считаем эти понятия составными элементами понятия «общность психического склада» — и потому несравненно более узкими, чем этот последний.

С другой стороны, значительно более широким, чем «психический склад», является понятие «духовный облик нации», не говоря уже о «духовной жизни нации»³⁴. Если в психическом складе нации невозможно вычленил ни одного структурного элемента, который бы не нес на себе в той или иной степени отпечатка национальной специфики (что в полной мере относится и к экономике, и к территории, и к языку), то в духовном облике таким вполне интернациональным элементом является идеология, мировоззрение³⁵. Еще в большей степени относится сказанное к понятию «культура», воплощающему в себе все плоды деятельности рук и мозга человека, «все то, что противостоит натуре, то есть девственной природе»³⁶. Национальными не могут быть такие крупные структурные элементы культуры, как наука, техника, технология производства и т. д. Не может быть, следовательно, с нашей точки зрения, и общности национальной культуры как признака нации. Правда, национальной спецификой могут обладать некоторые элементы материальной и духовной культуры. Но, не представляя собой чего-то органически единого, конструктивно целого, системно объединяющего людей в единую национальную общность и отграничивающего ее от других национальных коллективов, они также не могут быть внесены в определение нации — ни в форме общности «традиций быта, культуры, освободительной борьбы», как предлагают П. М. Рогачев и М. А. Свердлин³⁷, ни в форме «определенных черт культуры»³⁸ или даже «специфических национальных черт культуры»³⁹.

³¹ Э. А. Баграмов. Указ. соч., стр. 92.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 75.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 129.

³⁴ См. об этом Т. Ю. Бурмистрова. Указ. соч., стр. 105, С. М. Арутунян. Указ. соч., стр. 39.

³⁵ См. об этом также П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 39.

³⁶ А. С. Спиркин. Курс марксистской философии. М. 1963, стр. 440.

³⁷ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Указ. соч., стр. 45.

³⁸ «Українська Радянська Енциклопедія». Т. 10. Київ. 1962, стор. 23.

³⁹ М. С. Джунусов. Нация как социально-этническая общность людей. «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 21.